

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Т. И. ОРНАТСКАЯ

«БЕСЫ». ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ. «КАДРИЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ» И ГАЗЕТНЫЙ ФЕЛЬЕТОН «СЕМЕЙНЫЙ ПРАЗДНИК РУССКИХ ЖУРНАЛОВ»

Отмечалось, что для изображения «бездарной и пресной аллегории» — «кадриль литературы» в романе «Бесы» (10, 389—390) Достоевский мог воспользоваться «литературной кадрилию», устроенной Московским Артистическим кружком в 1869 г. в Московском благородном собрании (12, 315). Но, оказывается, были и другие источники, которые в свое время могли привлечь внимание писателя. Например, еще одна кадрили, тоже литературная, из анонимного фельетона в газете «СПб. ведомости». Она называлась «Семейный праздник русских журналов» (1861. 7 мая. № 100). Достоевский не мог не заметить эту публикацию не только потому, что всегда (даже за границей) читал от доски до доски все основные русские газеты, но и потому, что в фельетоне фигурировал журнал «Время» с его редактором «в костюме Сатурна», который «потряхивал косою» (в античном искусстве Сатурн (Крон) изображался в виде старца, похожего на Зевса, с головой, покрытой покрывалом, и с серпом (символом времени) в руках). Упомянулся здесь и близкий в это время Достоевскому «Светоч», а также вся современная петербургская журналистика — в таких ее изданиях как «Современник», «Русский вестник», «Сын отечества», «Домашняя беседа», «Ваза», «Русская речь», «Иллюстрированная газета», «Северная пчела», «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и т. д. и т. д. Фигурировали в фельетоне и легко узнаваемые лица — вроде «Чернолюба» и «Добролюба», Чернокнижникова с его лозунгом «Искусство для искусства» (А. В. Дружинина), «Нового поэта» с «камелиями» (И. И. Панаева), «лорда» «в светло-зеленом платье, с английскими манерами» (М. Н. Каткова), «молодого человека в изящном фраке и в гладкой прическе», который «прибил даму» (П. И. Вейнберга, совершившего «безобразный поступок» (10, 22) по отношению к г-же Толмачевой).

Вся эта «кадриль» заканчивалась шумной распрей, готовой разразиться в скандал. . .

Обращает на себя внимание и некоторая близость интонационного строя фельетона и «кадриль литературы» у Достоевского, а также многие общие черты в повествовательной структуре и образной ткани обоих текстов.

Приводим (с некоторыми сокращениями, обозначенными: < . . . >) текст фельетона:

. . . Я поспешил в большую залу < . . . > В конце залы была устроена сцена, изображавшая сад и море.

— Идут! Идут! — вдруг крикнул кто-то издалека.

— Идут! — повторила сотня голосов на хорах, и все присутствующие здесь стали тесниться и жаться к барьеру. В это время дверь

с шумом отворилась, и в залу вбежал молодой господин в костюме балетного танцора; в руках у него был какой-то желтый цветок вроде куриной слепоты. . .

— *Петербургский вестник с северным цветком*, а за ним и другие, — сказал мой сосед. Шествие началось. Какая-то дама и господин осторожно несли *вазу*, из которой выглядывали вышивки, рисунки, выкройки и т. п.

Затем следовала дама и господин. Она была в наряде, сшитом из иностранных иллюстраций; он носил платье менее полное, но из материи с русскими рисунками. *Иллюстрированная дама*, выезжающая еженедельно, и *художественный господин*, выходящий в свет три раза в месяц, шли рядом, но смотрели в разные стороны.

Далее шли господин с книгой и скрипкой под мышкой и господин казенного вида, в сероватом фраке, сшитом из лоскутков, тяжелых сапогах и какой-то допотопной шапке. Первый то наигрывал на скрипке, то рассказывал истории, помещенные ранее или позже в толстых журналах, сосредоточивая в этом интересы всего *русского мира*. Второй, занимавшийся прежде всего хозяйственной частью, как истый *сын отечества*, носил платье домашнего, довольно грубого производства, сшитое, как кажется, неопытной рукою. Музыкант-политик вел себя прилично; серый же господин шел к нему спиной и порой нарочно задевал его локтем.

Далее следовал человек с седыми, зачесанными за уши волосами в какой-то высокой шапке и в длинной свите; на плече у него была палка, на которой висел узелок. Человека этого вели под руки две старухи, очевидно купеческого происхождения, и, идучи, наслаждались его *домашней беседой* < . . . >

Далее шел господин статский, облепленный слухами, вестями, открытыми вопросами, ответами, *экономически указывавший*, таким образом, разные новости. Далее две пышные дамы в громадных кринолинах, заменявших им, иногда, природную полноту. Они, каждая в свою сторону, говорили о политике и литературе. Одна, до поту лица, как настоящая *пчела*, трудилась, чтобы добыть какие-нибудь редкие известия; другая хлопотала, прежде всего, быть *ведомостями* всех подробностей, всего случаемогося на белом свете.

Далее следовала группа из шести человек, которые на плечах несли толстые *записки*.

Затем группа из пяти человек, между которыми двое были в костюмах волшебников, говоривших загадками, а один, поэт, как узнал я потом, в костюме трубадура, с волынкой в руках, шляпы показывали, однако, что все они *современники*.

Далее два господина осторожно несли небольшую урну, в которой была *искра*. При удобном случае они кропили искорками во все стороны, искры разносились и не попадали только на одного полного господина с русскою физиономиею и рыжеватою бородкою. Далее господин в высоких сапогах нес торжественно *светоч*, который, однако, при дневном свете был замечен очень мало.

Далее высокий, тонкий господин, выходявший прежде только

для акционеров, вел под руку даму с счетами вместо четок, которая называлась в свое время *коммерческой*.

— Молодые! Молодые! — раздалось на хорах при их появлении.

— Скоро полгода как соединились, она, кажется, уже в интересном положении.

— Да, говорят. . . Выдает какое-то прибавление к новому году. . .

Далее следовал бодро полный, в светло-зеленого цвета наряде, *русский вестник*; далее дама в чепце, с саком, в котором была целая библиотека для чтения. Дама говорила громко и ссылалась беспрестанно на своего близкого родственника, статского советника Салтанушку, который не падит никого и никого не боится. . .

Затем следовал господин в костюме Сатурна, который спокойно смотрел в обе стороны и самодовольно потряхивал косою — этим символическим знаком *времени*. Далее молодой человек, гладко причесанный, в изящных фраке и панталонах, в светло вычищенных сапогах и такой же шляпе.

— Как опрятно одет, — заметила стоявшая возле меня дама соседу с другой стороны, — я его видела несколько раз, а узнаю только по наряду, лицо его так бледно, так безразлично. . .

— Да, это человек без чела, — ответил сосед.

В это время в дверях послышался шум. Я оглянулся и увидел, что шествие приостановилось, потому что швейцар спорил с каким-то господином, в большом парике, в зеленых очках, видимо старавшимся казаться философом.

— Для чего вы надели все эти искусственные украшения — для чего? — спрашивал придверник.

— Искусство существует только для искусства. . .

— Полно, Черно книжников! Снимай, — сказал кто-то из толпы, — ведь здесь не маскарад, а семейный праздник.

— Искусство — это святыня, — начал было философ.

— Ну брось твое искусство, отпусти-ка лучше веселенькую штучку. Веселье тоже вещь не последняя.

— Черт вас возьми. Нынче и мистифицировать-то никого нельзя, — вскрикнул философ, откидывая в сторону очки, парик и белый галстук и превращаясь в человека веселой наружности, с готовою улыбкою и немного постаревшим румянцем.

— *Век живи — век учись!* — сказал Черно книжников, подходя к молодому человеку изящной наружности < . . . >

В это время раздается шум за деревьями, и из-за них выходит господин в светло-зеленом платье, с английскими манерами. За ним высокая женщина и трое мужчин.

— Я требую почтения и повинования: я старший, я главный и имею право делать замечания и исправлять труды моих работников.

— Вы ошибаетесь. Каждому труд свой дорог, и никто не имеет права делать в нем изменения, — говорят мужчины.

— Господа, тут рассуждать нечего. На ваши слова, лорд, я буду отвечать вам *русскою речью*, — говорит дама.

— Отвечайте! Вы хотите оставить мою землю — оставляйте. Пусть гремит ваша речь, на нее сумеют ответить. . . — Лорд машет

рукою, и из-за деревьев выбегает девушка в белом платье. — Рекомендую — *современная летопись*. Прежде она всегда была при мне, теперь она будет являться в свет каждую неделю одна и встречаться с вами.

— Пускай. Желая одного, чтобы вы лучше уважали значение человека и женщины. . .

За сценою слышится шум, и на сцену вбегают множество мужчин и дам, таща с собою молодого человека, в изящном ффраке, и в гладкой прическе.

— Как вы позволили себе коснуться лица женщины! Да что вы, да что с вами. . . Разве можно бить кого бы то ни стало, а тем более женщину. . .

— Это ужасно!

— Это безнравственно!

— Это чудовищно! — повторяли хором мужчины и женщины.

— Господа! я сам не знаю, как это случилось.

— Господа, извините его, — вмешался кто-то, — его упрекали в неимении характера, в безличности, он хотел показать только, что у него есть характер.

— И прибил даму. . . О, ужас!

Суматоха на сцене передалась и в среду зрителей. В зале зашумели, оркестр играл известную сцену перед трактиром из «Гвельфов и Гибеллинов». Все присутствующие разделились на партии, решительно выступая одна против другой; партии разделились на партийки и шумели, подступая друг к другу. Только члены *домашней беседы* силились повоевать против всех сторон, против всех партий. Горизонт заволочся тучами; музыка тяжело гудела, шум, крики, укоры наполняли залу. Нам, посторонним, сделалось даже страшно. . .

Но тут, к счастью, я проснулся. Все это был сон.

В. М. ЛУРЬЕ

«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ». «ДНЕВНИК ПИСАТЕЛЯ»
ДОПОЛНЕНИЯ К КОММЕНТАРИЮ

1. «Прилог по Дамаскину»

Эта запись в черновиках к «Братьям Карамазовым» (15, 204) осталась в собрании сочинений писателя непрокомментированной, равно как и близкие к ней (и по содержанию, и по месту в черновиках) записи: «Старец говорит про прилог, про стяжание и про лицо» (15, 205) и «*Стар<ец>*: „Главное, не лгать. Имущества не собирать, любить (Дамаскина, Сирина)“» (15, 203). Именной указатель в обоих случаях отсылает к «Иоанну Дамаскину» (17, 467). Таково же мнение американского исследователя В. Террасса, упоминающего (без